

Глава 1

С чего бы нам начать эту историю? Хорошо бы начать с начала, но я не знаю, где оно, это начало. И как и все остальные, я не знаю *истинных* причин событий, происходящих в моей жизни.

Может быть, эта история началась в тот миг, когда я понял, что трое моих одноклассников играют в футбол гораздо лучше меня? Или когда Бассе, мой дед, показал мне рисунки храма Саграда Фамилия, сделанные его рукой? Или когда я впервые затянулся сигаретой и послушал первую песню группы «Grateful Dead»? Или когда я прочитал в университете Канта и решил, что все понял? Или когда продал первую дозу травки? Или когда поцеловал Бобби — а это, вообще-то, девушка, — или когда впервые увидел маленькое, сморщенное, истошно вопящее существо, впоследствии получившее имя Анна? А мо-

жет быть, когда я сидел в вонючей подсобке магазина Рыбака и он рассказывал, чего от меня хочет. Не знаю. Мы придумываем историям начало, конец и логику развития, чтобы придать жизни смысл.

Поэтому с тем же успехом можно начать прямо здесь, посреди всей этой пуганицы, когда жизнь сделала паузу, остановилась, чтобы перевести дух, и на какое-то мгновение мне показалось, что я нахожусь в пути — и одновременно у цели.

Я вышел из автобуса посреди ночи и зажмурился от солнца. Оно выглядывало из-за острова в море на севере. Красное и тусклое. Совсем как я. За солнцем снова было море, а за ним — Северный полюс. Может быть, там они меня не найдут.

Я огляделся. С трех других сторон к месту, где я стоял, спускались пологие склоны холмов. Красно-зеленый вереск, камни, кое-где скопления невысоких березок. На востоке каменистая земля плавно сходила в море, на юго-западе сушу словно отрезали ножом там, где она уступала место воде. Метров на сто выше зеркальной поверхности моря начиналось плоское плато, простиравшееся вглубь суши. Финнмаркское плато. Как говорил мой дед, линия заканчивается здесь.

Густо усыпанная гравием дорога вела к скоплению низких домов. Единственным, что немного выступало над ними вверх, была

церковная башня. Я проснулся в кресле автобуса, когда мы проезжали указатель с названием «Косунд» неподалеку от деревянной пристани у моря. И я подумал: «А почему бы и нет?» Я дернул за веревку над окном, после чего на табло перед водителем загорелась надпись: «Остановиться».

Я надел костюмный пиджак, подхватил кожаную сумку и зашагал вперед. Пистолет в кармане пиджака бился о бедро, прямо о кость: я всегда был слишком тощим. Я остановился и спустил пояс с деньгами, надетый под рубашку, пониже, чтобы купюры приняли удары пистолета на себя.

На небе не было ни облачка, а воздух был таким ясным, что мне казалось, будто я вижу очень далеко. Насколько хватает глаз, как говорится. Финнмаркское плато называют красивым. Черт, не знаю. По-моему, люди используют это слово при описании суровых, негостеприимных мест, чтобы придать себе крутизны или прикинуться глубоко понимающими, вроде тех, кто кичится своей любовью к непонятной музыке или нечитаемой литературе. Да я и сам так делал, полагая, что смогу этим компенсировать хотя бы некоторые свои недостатки. А еще так говорят, чтобы утешить тех немногих, кому довелось здесь жить: «Ах, как здесь красиво». Что же такого особенно красивого в этом плоском, монотонном, бедном пейзаже? Это же Марс. Красная пустыня. Незаселенная и страшная.

Замечательное место для того, чтобы спрятаться. Будем надеяться.

Впереди закачались ветки придорожных деревьев, и через мгновение какой-то человек перепрыгнул через канаву и оказался на дороге. Моя рука автоматически потянулась к пистолету, но я остановил ее: это не один из них. Этот тип был похож на джокера, выскочившего из карточной колоды.

— Добрый вечер! — прокричал мужчина.

Он шел по направлению ко мне странной, раскачивающейся походкой. Ноги у него были такие кривые, что я отчетливо видел между ними дорогу, ведущую к поселку. Когда он подошел ближе, я понял, что на голове у него не шапка придворного шута, а саамский головной убор. Сине-красно-желтый, только колокольчиков не хватало. На нем были сапоги из светлой кожи, а на синей куртке виднелись кусочки черного скотча и дыры, из которых торчало что-то желтоватое, больше похожее на изоляционную вату, чем на пух.

— Прости, что спрашиваю, — сказал он, — но кто ты такой будешь?

Он был как минимум на две головы ниже меня. Лицо широкое, улыбка от уха до уха, а глаза раскосые, как у азиата. Если собрать воедино все шаблонные представления жителей Осло о том, как должен выглядеть саам, то получится портрет представшего передо мной человека.

— Я приехал на автобусе, — ответил я.

— Я видел. Я Маттис.

— Маттис, — повторил я медленно, чтобы выиграть несколько секунд и найти ответ на его следующий неизбежный вопрос.

— А ты кто?

— Ульф, — сказал я.

Это имя ничуть не хуже всех остальных.

— И что тебе надо в Косунде?

— Приехал погостить, — ответил я, кивнув в сторону поселка.

— К кому же ты приехал?

Я пожал плечами:

— Ни к кому.

— Ты из отдела по надзору за охотой или проповедник?

Мне было неизвестно, как выглядят сотрудники отдела по надзору за соблюдением правил охоты, но я отрицательно покачал головой и провел рукой по своим длинным, как у хиппи, волосам. Наверное, стоит подстричься. Буду меньше бросаться в глаза.

— Прости, что спрашиваю, — снова заговорил он, — но кто же ты тогда?

— Охотник, — сказал я, скорее всего из-за упоминания отдела по надзору за охотой, хотя в этом утверждении было столько же правды, сколько и лжи.

— Вот как? Будешь здесь охотиться, Ульф?

— Похоже, это хорошая местность для охоты.

— Да, но ты приехал на неделю раньше, чем надо: охотничий сезон начинается пятнадцатого августа.

— А гостиница здесь есть?

Саам громко рассмеялся. Он харкнул и выплюнул коричневый комок — надо полагать, жевательный табак или что-то подобное. Комок упал на землю с громким хлопком.

— Пансион? — продолжал спрашивать я.

Он отрицательно покачал головой.

— Кемпинг? Комнаты в аренду?

На телеграфном столбе за его спиной висело объявление о концерте какой-то группы в Альте. Значит, этот город не так уж далеко отсюда. Возможно, мне стоило доехать на автобусе до Альты.

— А как насчет тебя, Маттис? — сказал я и прибил комара, укусившего меня в лоб. — У тебя не найдется кровати, которую я мог бы одолжить на ночь?

— Я сжег кровать в печке в мае. Май у нас выдался холодный.

— Диван? Матрас?

— Матрас? — Он махнул рукой в сторону поросшей вереском равнины.

— Спасибо, но я люблю, чтобы были потолок и стены. Посмотрим, может, найду пустую собачью конуру. Спокойной ночи.

Я зашагал в сторону поселка.

— Единственная собачья конура в Косунде — вон там! — прокричал Маттис как-то жалобно, понизив голос.

Я повернулся. Его палец указывал на дом, стоящий на краю поселка.

— Церковь?

Он кивнул.

— Ее не запирают на ночь?

Маттис склонил голову на плечо:

— Знаешь, почему в Косунде никто не ворует? Потому что здесь нечего украсть, кроме оленей.

Этот маленький полный человек на удивление грациозно перепрыгнул через канаву и поплелся по вереску на запад. Моими ориентирами были солнце, находившееся на севере, и церковь — по утверждению моего деда, в любом конце света церкви строят башней на запад. Я прикрыл глаза от света и посмотрел на землю, лежащую перед Маттисом. Куда, черт возьми, он идет?

Может быть, оттого, что ярко светило солнце, хотя на самом деле была середина ночи и стояла звенящая тишина, поселок казался странным и заброшенным. Создавалось впечатление, что дома построены на скорую руку, без внимания и любви. Не то чтобы они выглядели непрочными, но они были больше похожи на крышу над головой, чем на дом. Практичные, не требующие особого ухода, но хорошо защищающие от непогоды, с раздолбанными машинами без номеров в садиках, которые были не настоящими садиками, а просто огороженными участками земли с растущими на них вереском и березками. Детские коляски, но никаких игрушек. Всего в нескольких домах на окнах висели занавески или плотные шторы, в остальных голые стек-

ла отражали солнце, не позволяя разглядеть, что находится внутри помещения. Как солнцезащитные очки на глазах человека, не желающего, чтобы ему лезли в душу.

Церковь и в самом деле оказалась не заперта, хотя дверь разбухла и открывалась не так легко, как в других церквях, где мне доводилось бывать. Маленький скромный неф был прекрасен своей простотой. Полночное солнце освещало витражи, а над алтарем висело обычное распятие с измученным Иисусом на кресте. Позади распятия находился триптих, в боковых частях которого были изображены битва Давида и Голиафа и младенец Иисус, а в центре — Дева Мария.

Сбоку за алтарем я обнаружил дверь в ризницу. Я порылся в шкафах и нашел две рясы, швабру и ведро, но вина для причащения не было, только пара упаковок облаток с этикеткой «Пекарня Ульсена». Я сжевал четыре-пять штук, но это было все равно что жевать промокашку, облатки высушили весь рот и разбухли так, что в конце концов мне пришлось выплюнуть их на лежащую на столе газету. Она поведала мне — если это был сегодняшней номер «Финнмарк дагблад», — что сегодня 8 августа 1977 года, что ширятся протесты против строительства гидроэлектростанций на реке Альта, что вот так выглядит губернатор Арнульф Ульсен, что губерния Финнмарк, единственная имеющая границу с Советским Союзом, стала более безопасной

после смерти шпионки Гунвор Галтунг Ховик и что, наконец, в губернии ожидается более теплая погода, чем в Осло.

На каменном полу в ризнице спать было слишком твердо, на церковных скамьях — слишком узко, поэтому я прихватил рясу и прошел в алтарную часть. Я повесил пиджак на решетку алтарной ограды, улегся на пол и положил под голову кожаную сумку. Почувствовав, как на лицо мне что-то капает, я вытер его ладонью и посмотрел на кончики пальцев. Они были ржавого цвета.

Я посмотрел вверх, на распятого, висевшего прямо надо мной. Потом я догадался, что жидкость, скорее всего, капает с потолка. Протекающая крыша, влажность, цвет глины или железа. Я перевернулся, чтобы не лежать на больном плече, и прикрыл голову рясой, чтобы спрятаться от солнца. И закрыл глаза.

Вот так. Не думать. Отключиться от всего. Взаперти.

Я сорвал рясу и стал жадно глотать воздух. Черт!

Я лежал и пялился в потолок. Сразу после похорон, когда меня мучила бессонница, я принимал валиум. Не знаю, развилась ли у меня зависимость, но без него мне теперь всегда было трудно заснуть. Единственный способ — устать до изнеможения.

Я снова натянул рясу на голову и закрыл глаза. Семьдесят часов в бегах. Тысяча восемьсот километров. Пара часов сна в креслах поездов и автобусов. Я должен был устать.

Подумать о хорошем.

Я попытался подумать о том, как все было раньше и еще раньше, но не смог. Вместо этого в голову лезли другие мысли. Мужчина, одетый в белое. Запах рыбы. Черное дуло пистолета. Разбившееся стекло, падение. Я отогнал от себя эти воспоминания, вытянул руку, прошептал ее имя.

И тогда она наконец явилась.

Я проснулся. Я лежал без движения.

Меня что-то толкало. Вернее, кто-то. Осторожно, словно боясь меня разбудить и просто пытаюсь удостовериться, что там, под рясой, кто-то есть.

Я сосредоточился и постарался дышать ровно. Может быть, у меня еще есть шанс, может быть, они еще не заметили, что я проснулся.

Я скользнул рукой к бедру, но внезапно вспомнил, что повесил пиджак с пистолетом на ограду алтаря.

Для как бы профессионала — полная любительщина.

Глава 2

Я продолжал дышать и чувствовал, как успокаивается сердцебиение. Мое тело поняло то, до чего еще не дошел разум: если бы это были они, они не стали бы толкать меня, а просто содрали бы с головы рясу, убедились, что я тот, кто им нужен, и проперчили бы меня, как протухший голубец.

Я осторожно сдвинул рясу с лица.

Лицо, глядевшее на меня сверху, было веснушчатым, курносым, с пластырем над бровью и светлыми ресницами вокруг необыкновенно голубых глаз. Оно было обрамлено жестким ежиком рыжих волос. Сколько ему может быть лет? Девять? Тринадцать? Понятия не имею, я вообще плохо разбираюсь в детях.

— Тебе нельзя здесь лежать.

Я огляделся. Кажется, он один.

— Почему это? — невнятно пробормотал я.

— Потому что мама будет здесь мыть.

Я поднялся на ноги, свернул рясу, снял с ограда пиджак, ощутив тяжесть пистолета в кармане. Левое плечо пронзила боль, когда я стал засовывать его в рукав.

— Ты с юга? — спросил мальчик.

— Смотря что называть югом.

— То, что находится к югу отсюда.

— Отсюда все находится к югу.

Мальчишка склонил голову набок:

— Меня зовут Кнут. Мне десять лет. А тебя как зовут?

Я собирался назвать какое-нибудь имя, и решил остановиться на вчерашнем варианте. Ульф.

— Сколько тебе лет, Ульф?

— Много, — ответил я, потягивая шею.

— Больше тридцати?

Дверь в ризницу открылась. Я повернулся. Вошедшая женщина остановилась и уставилась на меня. Первое, о чем я подумал: «Она слишком молода для уборщицы». Женщина выглядела крепкой. На ее руке, в которой она держала наполненное до краев ведро, проступали вены. У нее были широкие плечи, но тонкая талия. Ноги ее были скрыты старомодной черной широкой юбкой. Второе, что бросилось мне в глаза, — это волосы. Длинные и такие темные, что блестели в свете, попадавшем в помещение через высокие окна. Они были прихвачены простенькой заколкой.

Женщина снова начала движение в мою сторону, стуча башмаками по полу. Когда она подошла достаточно близко, я увидел, что у нее рот красивой формы со шрамом от операции по исправлению заячьей губы. Трудно было поверить, что у такой смуглой женщины с такими темными волосами могут быть такие голубые глаза.

— Доброе утро, — произнесла она.

— Доброе утро. Я приехал сегодня ночью на автобусе. И мне было некуда...

— Ладно, — сказала она. — Здесь дверь высока, а ворота широки.

Она произнесла это без всякой теплоты в голосе, поставила на пол ведро и швабру и протянула ко мне руку.

— Ульф, — сказал я, собираясь обменяться с ней рукопожатием.

— Рясу, — произнесла она, указывая на мою руку.

Я опустил глаза на комок ткани, который сжимал в ладони.

— Я не нашел одеяла, — стал оправдываться я, протягивая ей рясу.

— И никакой еды, кроме той, что мы используем для причастия, — ответила она, разворачивая и проверяя тяжелое белое одеяние.

— Прошу прощения, я, конечно, заплачу за...

— От этого ты освобождаешься, с благословением или без. Но в следующий раз не плюй на нашего губернатора, будь так добр.

Не знаю, была ли это улыбка, но шрам над ее верхней губой шевельнулся. Не сказав больше ни слова, она развернулась и ушла в ризницу.

Я подхватил сумку и перелез через ограду алтаря.

— Куда ты пойдешь? — спросил мальчик.

— На улицу.

— Почему?

— Почему? Потому что я здесь не живу.

— Мама не такая сердитая, как кажется.

— Передавай ей привет.

— От кого? — раздался голос женщины.

Она уже топала обратно к алтарю.

— От Ульфа. — Я начал привыкать к этому имени.

— А что тебе нужно здесь, в Косунде, Ульф? — Она отжала тряпку над ведром.

— Охота. — Я подумал, что в таком маленьком поселке лучше всего придерживаться одной версии.

Женщина намотала тряпку на швабру.

— На кого?

— На куропаток, — наугад произнес я. Водятся ли куропатки так далеко на севере? — И на все остальное, в чем бьется сердце, — добавил я.

— В этом году совсем мало мышей и леммингов, — сказала женщина.

Я ухмыльнулся:

— Хорошо, но, вообще-то, я охочусь на зверей *чуть-чуть* покрупнее.

Она приподняла бровь:

— Я всего лишь хотела сказать, что куропаток в этом году немного.

Возникла минутная тишина.

Ее нарушил Кнут, выпаливший:

— Когда хищникам не хватает мышей и леммингов, они начинают питаться яйцами куропаток.

— Ах вот оно что, — сказал я, кивнул и почувствовал, как по моей спине потек пот. Мне надо было помыться и постирать рубашку и пояс для денег. Да и пиджак требовал стирки. — Надеюсь, я найду, во что выстрелить. Проблема в том, что я приехал слишком рано. Как известно, охотничий сезон начнется только на следующей неделе, так что до тех пор буду пристреливаться.

Я надеялся, что саам сообщил мне верную информацию.

— Сезон сезоном, — сказала женщина, проводя тряпкой по тому месту, где я лежал, с таким нажимом, что резиновая подушка швабры заскрипела. — Это вы, южане, думаете, что решаете, когда ему начинаться. Мы здесь охотимся, когда нам нужна пища, и не охотимся, когда она нам не нужна.

— Кстати, насчет «нужен — не нужен», — произнес я. — Не знаешь ли ты места в поселке, где я мог бы пожить?

Она перестала мыть пол и оперлась на швабру:

— Надо просто постучать в какую-нибудь дверь, и для тебя отыщется постель.

— В любую?

— Думаю, да. Но сейчас, конечно, далеко не все дома.

— Вот как? — Я кивнул в сторону Кнута. — Летние каникулы?

Женщина с улыбкой покачала головой:

— Летние пастбища. Все, у кого есть олени, живут в палатках и автоприцепах на пастбищах вдоль побережья. Кто-то еще не вернулся с лова сайды. Многие на летнем фестивале в Каутокейно.

— Понятно. А есть ли какая-нибудь возможность арендовать кровать в твоём доме? — Увидев ее замешательство, я поспешил добавить: — Я хорошо заплачу. Очень хорошо.

— Здесь никто не позволил бы тебе переплатить. Но моего мужа нет дома, так что это неприлично.

Неприлично? Я посмотрел на ее юбку. На длинные волосы.

— Понимаю. А есть ли какой-нибудь дом не... не в центре? Где можно побыть в тишине и покое. И с хорошим видом.

Откуда можно увидеть приближение чужака — вот что я имел в виду.

— Ну... — произнесла она, — поскольку ты собираешься охотиться, ты мог бы поселиться в охотничьей хижине. Ею все пользуются. Она находится на некотором расстоянии от поселка, там тесновато и не слишком уютно, но зато тихо и спокойно. И вид на все стороны света, это уж совершенно точно.

— Кажется, отличное место.
— Кнут может проводить тебя туда.
— Не стоит. Наверное, я смогу ее найти.
— Нет! — воскликнул Кнут. — Пожалуйста!

Я посмотрел на него сверху вниз. Летние каникулы. Все разъехались. Так скучно, что он пришел с мамой убирать в церкви. И вот наконец что-то начало происходить.

— Конечно, — сказал я. — Тогда пошли?

— Да!

— А вот что мне интересно, — произнесла темноволосая женщина, ополаскивая тряпку в ведре. — Из чего это ты собираешься стрелять. Вряд ли в твою сумку уместилось ружье.

Я уставился на свою сумку, измеряя ее взглядом, будто решал, согласен ли я с женщиной.

— Забыл его в поезде, — ответил я. — Я позвонил, и мне обещали прислать его с автобусом через пару дней.

— Но тебе же надо из чего-то стрелять, — сказала она и улыбнулась, — пока не начался сезон.

— Я....

— Я одолжу тебе дробовик моего мужа. Можешь подождать меня на улице, я скоро закончу.

Дробовик? Да, черт возьми, почему бы и нет? И поскольку ни одно из произнесенных ею предложений не заканчивалось вопроси-

тельным знаком, я просто кивнул и пошел к дверям. Позади я услышал быстрое дыхание и немного притормозил. Мальчик наступил мне на пятку.

— Ульф...

— Что?

— Ты анекдоты знаешь?

Я сидел у южной стены церкви и курил. Я не очень хорошо понимаю, почему я курю. Это не зависимость. Я хочу сказать, моя кровь не требует никотина. Дело не в этом, здесь что-то другое, связанное с самим процессом. Курение успокаивает меня. Я мог бы с тем же успехом курить сено. Есть ли у меня наркотическая зависимость? Нет, уверен, что нет. Возможно, я алкоголик, но в этом я тоже не совсем уверен. Но мне нравится быть под кайфом, возбужденным, пьяным, это точно. И валиум. Мне нравится принимать валиум. Или, вернее, мне не нравится не принимать валиум. И поэтому я чувствовал, что это единственное вещество, от которого мне надо, приложив определенные усилия, отказаться.

Я начал продавать травку, чтобы оплачивать то, что потребляю сам. Это настолько же просто, насколько логично: ты покупаешь такое количество граммов, чтобы можно было сторговаться о выгодной цене, потом продаешь две трети меньшими дозами, но дороже, и — вуаля — бесплатный косяк у тебя в кар-

мане. А от этого до полноценной работы дилером — дорога короткая. Длинной была дорога к первой продаже. Длинной, извилистой, с парой развилок, на которых мне стоило повернуть в другую сторону. Но в итоге я оказался посреди Дворцового парка, где стоял и бубнил короткую рекламу своего товара («Кому косячок?»), выискивая тех, кто был достаточно волосат или одет в хипповатую одежду. Так со всем в жизни: первый раз — самый трудный. И когда передо мной остановился парень в синей рубашке со стрижкой ежиком и попросил продать два грамма, я развернулся и убежал.

Я знал, что этот парень не был полицейским агентом: у агентов много волос и одеваются они как хиппи. Я боялся, что он — один из людей Рыбака. Но со временем я понял, что Рыбаку нет дела до мелкой рыбешки вроде меня, надо было только постараться не увеличивать свой бизнес и не вторгаться на его рынок амфетаминов и героина. Как Хоффманн. Хоффманн кончил плохо: не было больше никакого Хоффманна.

Я швырнул окурок на гравийную дорожку.

У тебя есть немного времени, пока ты не догоришь до фильтра, а потом наступит неумолимый конец. Но весь смысл в том, чтобы догореть до фильтра, не потухнуть раньше времени. Вообще-то, я не уверен насчет смысла, но такова была моя *цель*. На смысл

мне по большому счету плевать. И не каждый день после похорон я был настолько уверен в своей цели.

Я закрыл глаза и сосредоточился на солнце, на том, как оно согревает кожу. На наслаждении. Гедон. Греческий бог. Или идол, как говорят здесь, на освященных землях. Большая наглость называть чужих богов — не тех, каких выдумал сам, — *идолами*. «Ты не должен знать другого бога, кроме Меня»¹. Естественное предписание любого диктатора своим подданным. Забавно только, что христиане сами этого не понимали, не видели механизмов, силы регенерации и самодостаточности, благодаря которым эти суеверия смогли пережить две тысячи лет, и думали, что ключ к спасению предназначался тем, кому невероятно повезло родиться в тот самый промежуток времени, по сути краткий миг в истории человечества, да еще и в той небольшой части земного шара, где когда-либо звучал короткий призыв «кому в рай?».

Тепло закончилось. На солнце набежало облако.

— Там бабушка.

Я открыл глаза. Это не облако. Солнце создавало ореол над рыжими волосами мальчика. Неужели та женщина действительно приходится ему бабушкой?

— Что, прости?

Он вытянул руку:

¹ Книга пророка Осии, 13: 4.

— Могила, на которую ты бросил окурок.

Я посмотрел в ту сторону, куда он указывал, и увидел, что из клумбы у черного камня поднимается небольшой дымок.

— Извини. Я целился на дорожку.

Он скрестил руки на груди:

— В самом деле? Как же ты попадешь в куропатку, если даже на дорожку попасть не способен?

— Хороший вопрос.

— Ну что, вспомнил какой-нибудь анекдот?

— Нет, я же говорил, что могу долго вспоминать.

— Но уже прошло... — он посмотрел на часы, которых у него не было, — двадцать пять минут.

Он сильно преувеличивал. Мне пришло в голову, что дорога до хижины может оказаться долгой.

— Кнут! Не мучай человека, — раздался голос его матери.

Она вышла из церкви и направилась к воротам.

Я встал и пошел за ней. Она шла упругой походкой, держа спину прямо, чем напомнила мне лебедя. Гравийная дорожка, проходившая мимо церкви, бежала дальше среди скопища домов, которое и было Косундом. Тишина казалась почти неприятной. До сих пор я не видел других людей, кроме этих двоих и вчерашнего саама.